

Я ОБЛАКА ЗАСЕЮ ХЛЕБОМ

(Размышления о лирике народного поэта Чувашии Якова Ухсая)

Современную чувашскую поэзию невозможно представить без поэзии Якова Ухсая. Во всяком случае, без его творений она потеряла бы нечто значительное... Нет в Чувашии сейчас человека, кто не знал бы Ухсая, его замечательных произведений — «Дед Кельбук», «Перевал», «На вершине Гусли-горы» и другие. Им свойственно особое — ухсаевское — видение мира, при-суще им редкое качество не стареть со временем, наоборот, — в течение десятилетий они продолжают волновать многочисленных читателей. Я. Ухсай своим творчеством не только поднял чувашскую поэзию на небывалую высоту, но и открыл перед ней широкие и неизведанные дали. Его плодотворное влияние чувствуется во всех жанрах чувашской поэзии.

Когда говорят об Ухсае, то прежде всего отмечают эпический талант поэта. Поэмы «Тудимер», «Земля», «Встреча с Чапаевым», «Звезда моего детства», «Симбирск» и другие написаны именно так — всеохватно, многопланово. Этому можно найти объяснение в глубоком проникновении в особенности общественного развития Чувашии и традиции ее литературы. Но не об этом сейчас речь: хотелось бы поговорить о глубочайшем лиризме поэзии Я. Ухсая...

Эпика — лишь одна из основных характеристик его дарования, но она никогда не выступает в его творчестве в чистом виде, она неразрывно воссоединена с лирикой. В его поэмах немало лирических отступлений, монологов-размышлений, поэтических описаний природы и человека. Крепкое единство эпики и лирики — одно из отличительных свойств его творческой индивидуальности.

Даже в такой реалистической трагедии, как «Тудимер», мы обнаруживаем романтическую приподнятость стиха, особенно при обрисовке положительных героев. Или возьмем поэму «Дед Кельбук». Описание жизни и переживаний деда Кельбука тоже одухотворено настоящим поэтическим чувством.

Лиризм присущ как раннему, так и более позднему творчеству Ухсая. Вот его хорошо известная поэма «На вершине Гусли-горы», где поэт как бы подводит с высоты своих лет итог пережитому. Обращаясь к родному народу, он пишет:

Я любил тебя и в горе,
Твой удел —
Певца удел.

Подступали песни к горлу,
Было грустно —
Грустно пел.

.
А теперь я воспеваю
Тишь и грохот
Мирных дней.
Лучше участи не знаю —
Петь
Среди твоих полей.

(Перевод *Е. Исаева*.)

Частый мотив в лирике Ухсая — тема Родины, которая начинается для него с родимого дома, с детства знакомых лугов и пашен. В этом отношении характерна его поэма «Слакпуть», откуда, из деревни под таким названием происходит и сам автор, весь его род.

И я привык
На свежих пашнях,
Дыша свободой легко,
Кусать
Горячий хлеб домашний
И пить парное молоко.
И в мире нет
Вкусней и чище —
Хоть шар земной
Вокруг обнести,—
Чем та
Языческая пища,
Что предок
Радостно вкушал.

(Перевод *А. Зайца*.)

Картины природы отличаются у поэта настоящей влюбленностью в нее, вся природа видится ему живой и доброй, переливающейся тысячами красок, тянущейся к человеку, к взаимопониманию с ним. Гармония природы и человека доставляет ему истинное наслаждение. Опять хочется привести строки из поэмы «Дед Кельбук»:

«Наша мать тебе служила
Кольбелькою, поэт,
Так прими, земляк наш милый,
От ее детей привет!»
Так шептали мне как будто
Листья молодых берез.
Их приветом в ту минуту
Я растроган был до слез.

(Перевод *Л. Пеньковского*.)

Уже приведенные отрывки подтверждают, что Ухсай не только замечательный эпик, но и не менее одаренный лирик. И даже в так называемой, любовной лирике, где нелегко сказать новое и необычное слово, он остается самим собой, ни на кого не похожим поэтом. В качестве примера возьмем его стихотворение «Ива»:

Друг мой славный, дорогой,
Помнишь, я стоял с тобой.
Разговаривал, сжимая
*Прутик ивы молодой?
До того я был счастливый,
Что с тобой поговорил,—
Даже тросточку из ивы
В землю ткнул и позабыл,
И из трости той на славу,
Небывалой высоты,
Ива выросла кудрява
И тонка, стройна, как ты.
Молодежь теперь встречает
Здесь, под ивою, рассвет,
Звонко песни распевает,
Ей до нас и дела нет.
(Перевод А. Кафанова.)

В этом небольшом раннем стихотворении Ухсайа можно заметить будущие особенности лирики Ухсайа: задушевность и естественность речи, чувство меры и сдержанность в высказывании своих внутренних переживаний, сочность и выразительность поэтического слога, умение обыграть ту или иную деталь, придать ей метафоричность и аллегоричность. По прочтении не покидает нас радостное чувство взволнованности, от стихов веет чем-то светлым и чистым, нравственно высоким. И всепламеняющая страсть высказана целомудренно и сдержанно.

Ни один пересказ не передаст своеобразную прелесть и выразительность стихов Ухсайа. Соль его поэзии можно лишь прочувствовать, до конца понять сердцем и душой.

В чем же тайна ухсайевского воздействия на читателя? Здесь, наверное, нам не обойтись без общих рассуждений, лишь приближенно раскрывающих природу и силу поэтического слова. К тому же, давно замечено, что в поэзии существует свой предел точности и конкретности, чтобы не разъять живое и трепетное тело ее на составные, но мертвые части.

В одно время его называли чуть ли не «крестьянским» поэтом, певцом земли и деревни. Действительно, творчество Ухсайа дает немало оснований для подобного определения, тем более, что по рождению и воспитанию он связан с крестьянским земледельческим бытом. В основном и расцвет дарования Ухсайа тоже пришелся на пору, когда в республике нашей преобладал земле-

дельческий труд. Верный правилу писать о том, что больше всего и лучше всего знаешь, Ухсай не изменил ему и впоследствии, выработал для себя своеобразную «философию чернозема», полемически заявляя, что он поэт чернозема. Однако так ли уж плохо быть «крестьянским» поэтом, правильно ли считать его только идущим вслед за поэтом «городским», уступающим ему в общей и поэтической культуре? Наверное, лучший ответ на этот вопрос — сравнение творческих достижений. Неспроста Ф. Абрамов в своей речи на VI съезде писателей СССР говорил о необходимости более правильного отношения к так называемой «деревенской» литературе, которая так же, как и, так называемая, «городская» — интеллектуальная — литература активно и плодотворно участвует в большом и сложном деле строительства социалистической культуры.

Крестьянская направленность поэзии Якова Ухсай, безусловно, проявляется в тематическом выборе, в содержании более ранних его произведений, в оценке жизненных явлений, но поэт постоянно расширяет базу своего творчества, имя которой — народность, в самом высоком понимании этого слова. Правда, дело это не было у Я. Ухсай легким и с ходу найденным. Он, как и многие настоящие поэты, прошел свой путь творческих исканий, прежде чем прийти к содержательному и простому в своей мудрости народному языку; испробовал немало способов стихосложения, испытал на пригодность почти все стихотворные размеры, включая классические и сверхмодные образцы, писал сонеты и октавы, в конечном счете так и не прижившиеся в чувашской поэзии. Сонет, хотя и считается вершиной поэтического мастерства, все же более пригоден в кругу узких ценителей поэзии, а не среди широких масс ее любителей. Поэт критически пересмотрел весь имеющийся опыт чувашского стихосложения и выбрал традиционно-народные формы как основу для дальнейших изысканий и совершенствования.

На заре своего зарождения чувашская стихотворная практика испытывала на себе влияние фольклорных традиций, лишь в произведениях К. Иванова и М. Сеспеля зазвучали силлабо-тонические ритмы. Однако и после Сеспеля находились «новаторы» в литературе, ничего не желавшие воспринимать от старого мира и мечтавшие сразу перешагнуть к новым, невиданным до сих пор формам стихосложения.

В отличие от них развитие стихотворной практики Я. Ухсай шло по правильному пути, проложенному К. Ивановым, М. Сеспелем, Н. Шелеби, С. Эльгером, почти не отрывалось от исконно-народной основы, если не считать кратковременного увлечения конструктивизмом.

Я. Ухсай стремился понять, осмыслить творчество русских и других национальных авторов. Об этой поре он рассказывает: «Часто наши критики, находя глубокую народную простоту в творчестве того или иного поэта, совершенно правильно утверждают, что он слитно связан с народом и знает народное песенное творчество. Однако они не замечают его учебы на произведениях многих поэтов (иногда и поэтов формалистического толка) потому, что не находят в его стихах подражательных строк. Между тем, поэты, пишу-

щие самые простые по форме стихотворения, идут от сложного изучения науки о стихах».

Тут уместно, наверное, провести определенную параллель между Ухсаем и Твардовским. Это нужно сделать и потому, что они в течение многих лет поддерживали дружеские отношения и постоянные творческие контакты. Еще не опубликована полностью переписка Ухся с Твардовским, но и обнаруженные несколько писем позволяют говорить об интенсивных творческих связях между ними, а также о сходстве, в ряде случаев и совпадении их взглядов на поэзию.

Выступая против условной стилизованности и искусственности поэтического языка некоторых авторов, Исаковский пишет своему другу по поводу его поэмы «За далью даль»: «У тебя же язык особого рода. Ты говоришь совершенно свободно, тебя нисколько не стесняет стихотворная форма, как будто ее и нет вовсе. Ради нее ты не коверкаешь слов, фраз, выражений, не придумываешь каких-то необыкновенных рифм и ассонансов. Речь твоя так же естественна, как если бы ты говорил прозой. Но в то же время эта проза является самой высокой поэзией» (Журнал «Дружба народов», № 9, 1976 г.).

Про стихи Ухся можно сказать примерно то же самое. Там нет следов нарочито усложненных приемов, изломанных слов, стихи текут свободно и непринужденно, как будто сами собой, а поэт только записывает их. Это, безусловно, результат большой и годами выработанной техники, незаурядного мастерства в обработке слов. Но эта техника незаметна, она не бросается в глаза. Так, глядя на хорошо сделанную вещь, мы забываем о материале, способе ее приготовления, а прежде всего любимемся самим изделием, которое совершенством и изяществом формы радует нас. В лучших своих образцах такая поэзия приближается к народному песенному творчеству, вбирает в себя все лучшее и прогрессивное из него, развивает его дальше.

Поэзия Ухся многими нитями связана с фольклором, но она не является стилизацией и имитацией под фольклорные мотивы, простым использованием фольклорных тем и сюжетов, а представляет собой крепкий сплав фольклорных традиций и собственного творчества, новое поэтическое явление с применением испытанных народно-песенных средств.

Сейчас много говорят о традициях и новаторстве. Но бывает новаторство, крепко опирающееся на имеющиеся традиции и из них возникающее, — оно обогащает эти традиции, продолжает их дальше, а если нужно, создает новые традиции. К сожалению, бывает новаторство и другого рода, ради шума и славы, как беспочвенное модное течение и быстро проходящее поветрие. Новаторство Ухся, безусловно, относится к первому роду. Поэзия его была прямым продолжением и дальнейшим развитием лучших национальных традиций, вместе с тем — вполне самостоятельным и заметным этапом в развитии и возмужании чувашской литературы. Здесь нет никакого противоречия. На пустом месте, без учета традиций и не зная их, трудно создать что-либо значительное, даже совершенно новое, революционное искусство не может обойтись без тщательного усвоения и переработки предшествующего опыта. Преж-

де чем идти вперед, нужно знать, откуда начать и куда пойти. Оставаясь, по понятиям некоторых, сторонником традиций, Ухсай успел сделать больше самых решительных «новаторов», которые, в свою очередь, потерпев неудачу, по примеру его тоже вынуждены были вернуться на испытанный и проверенный многими путь. В конечном счете, Ухсай внес большой и значительный вклад в развитие чувашской поэтики, дополнил и разнообразил ее художественно-образительные возможности во многих жанрах, в обращении к самым различным темам: в граждански страстной и боевой публицистике, в эпических полотнах, мирной и военной лирике, а также в пейзажной и интимной лирике. Если в его предвоенной лирике порой проскальзывали известные благодушие, некоторая заданность и схематичность поведения лирического героя, что вполне объясняется молодостью автора, недостатком опыта, а также обстановкой и атмосферой культа личности, то в последующие годы лирика Ухсаия возмужала и окрепла, приобрела более строгие и мужественные тона, она стала более сдержанной и немногословной, более серьезной и значительной. В послевоенные годы в его лирике заметно усиливается философская струя, то и дело встречаются глубокие размышления о назначении человека, о жизни и смерти, о прошлом, настоящем и будущем. От начала до конца философична, например, его поэма «На вершине Гусли-горы».

Желая понять тайны мироздания, причины и закономерности смены исторических эпох, смысл и цель жизнедеятельности разумных существ, поэт пишет:

И таинственно,
И остро,
Больно разуму смотреть,
Умирают даже звезды,
Превозмочь не в силах смерть.

Так что
Вечности не требуй:
Отдален ли, приближен —
Неизбежен этот жребий,
Хоть печален и смешон.

(Перевод *Е. Исаева*.)

В этой естественной смене поколений поэт видит закономерный процесс, знает, что смерть одних кладет начало жизни другим, что невозможно избежать физической смерти, но можно достичь духовного бессмертия. Поэтому так философски спокойны следующие строки:

Не хочу иного счастья,—
Знать бы только наперед,
Что мой голос
Вышей страстью
Смерть мою переживет.

(Перевод *Е. Исаева*.)

Стихи Ухсай последних лет проникнуты глубокой содержательностью, в них ставятся важные вопросы человеческого бытия, кардинальные проблемы века. И весь наличный арсенал имеющихся у него поэтических средств Ухсай отдает делу общественного прогресса, сохранению мира на земле, укреплению дружбы между народами, воспитанию коммунистической нравственности, он всем жаром сердца воспекает гражданина страны Советов, в том числе воспрянувшего к новой жизни чуваша.

Определяя место поэта в общем строю, Ухсай говорит, что он должен быть колоколом народа, что он не может стоять в стороне от той борьбы, которую ведет народ во имя лучшего будущего. Это свойство его поэзии отчетливо проявилось и в годы острой классовой борьбы в деревне, но наиболее ярко сказалось в ходе смертельной схватки с чудовищным порождением империализма — германским фашизмом. Стихи военных лет отличаются у него горячим патриотизмом, сознанием своего долга, крайне обостренным чувством восприятия, верой в конечную победу и ожиданием мирных дней. В них ощущается также неутраченная боль за смерть близких и родных, за сожженные города и села, они звучат клятвой отомстить врагу.

Ты мчалась, счастливая стая пернатых;
Но черные дула мелькнули в пыли,
И с криком предсмертным взвились журавли,
И канули в блеск золотого заката...
Черствеет под пулями сердце солдата
Но слез в этот миг мы сдержать не могли.

И клятвой звучало молчанье людей:
Одною лишь кровью с врагом расплатиться
За мертвое небо, за плач журавлей.

(Перевод Г. Чижя.)

Военная тема и после победы не покидает его, властно возвращая к тем временам, к священной памяти погибших за честь и независимость нашей Родины. Поэт от имени павших и живых в стихотворении «Слово о мире» говорит:

Гром отгремел. Добили зверя
Моя Отчизна, мой народ.
Но вспоминаю я, немея,
Огонь, и дым, и кровь, и пот.

Мир! Светлей я не знаю цели,
Ему — как будто в бой идя —
Я присягнул у колыбели,
В которой спит мое дитя.

(Перевод Р. Морана.)

В Послевоенные годы диапазон лирики Ухсая необычайно расширился: от чисто «чувашских» тем она поднялась до общесоюзных, общечеловеческих проблем. Лирический герой Ухсая — активный участник героических свершений советского народа, он среди покорителей целины и просторов Сибири, среди зимовщиков Антарктиды, исследователей земных недр, среди ученых, проникающих в тайны веществ и изучающих космическое пространство, среди наших друзей и братьев из социалистических стран. Выражая его думы и убеждения, Ухсай пишет о благотворном сотрудничестве социалистических государств, связанных нерушимой дружбой:

Мы богатств
Не копим скупю.
Не пристало это нам:
Корабли плывут на Кубу,
В героический Вьетнам.

Значит, это
Так и нужно.
Значит,
В полный рост встаем —
Руку помощи
И дружбы
Добрым людям подаем.

(Перевод *Е. Исаева.*)

Таким образом, почти нет важного события послевоенного времени, на которое Ухсай не откликнулся бы и не определил бы своего отношения к нему. С расширением экономических, политических, научно-технических и культурных связей между странами мира поэзия Ухсая расширяется в своих географических границах, в ней появляется множество новых тем и мотивов. Освоение этих тем у него идет успешно, к чему он был подготовлен всем своим предшествующим творчеством.

При всей разносторонности и широте интересов тема родного края и его людей, защиты природы и ее богатств, внимания к труду хлебороба остаются все же главенствующими и определяющими в творчестве Ухсая. Земля и поэзия для него неразрывные понятия, недаром он сравнивает работу поэта с трудом пахаря, сеятеля. Поэтому сельский труженик, хозяин и радетьель земли, выступает как главный и постоянный герой его произведений. В созданных им произведениях перед нами предстает целая галерея людей труда прошлой и современной Чувашии. Издательство «Современник» в 1975 году выпустило новый сборник его стихов «Коврига», где тоже немало взволнованных и душевных строк о благородном труде земледельца, о возвращенном им хлебе.

Когда проснулся я, наш дом
Весь хлебным запахом пропах.

Отец мой сдерживал с трудом
Восторг свой: искорки в глазах.

.
Мать платье новое свое
Надела в честь большого дня,
На молодом лице ее
Плясали отсветы огня.

(Перевод В. Завадского.)

Такое трепетно-священное отношение к хлебу, как к живому существу и чуть ли не божеству, издавно существовало в чувашском народе и сохранилось до наших дней. Современные праздники урожая, первого снопа, торжественное чествование победителей жатвы преследуют ту же цель возвышения хлеба, поднятия его значения в глазах всего общества. Вся система крестьянского воспитания молодежи и раньше, и сейчас, в Чувашии сводится к формуле: «На свете старше хлеба ничего нет, поэтому никогда выше хлеба себя не ставь». Такое народное понимание достоинства человека всегда присутствует в стихах Ухсяя, составляя основу его эстетического идеала. Его муза прежде всего воспевает и прославляет человека труда, создавшего все богатства и ценности общества и ей глубоко чуждо какое-либо оправдание праздности и безделья, легкомысленного отношения к своим обязанностям. Его лирический герой всегда деятелен и активен, ответственен за свои поступки и дела, отличается сознательным отношением ко всему происходящему вокруг него.

В горе ль,
В радости ль,
В несчастье,
Слезы лил ли,
Песни пел —
Человек всегда был мастер,
Он без дела не сидел.

(Перевод Е. Исаева.)

Именно народные идеалы добра и красоты определяют значительность и актуальность тематики произведений Ухсяя, придают им глубокую содержательность и добротность формостроения, высокую гражданственность и страстность в отстаивании своих позиций, в защите общенародных интересов. Выступая в таком качестве, поэзия Ухсяя приобретает особенно широкое общественное звучание.

Было бы не совсем правильно ставить полный знак равенства между идеалами народа и поэта, ибо идеалы эти находятся в постоянном движении, видоизменяются с течением времени. Эстетический идеал Ухсяя рос и обогащался вместе с народом. В ранний период творчества он носил преимущественно крестьянский, земледельческий характер, был в некотором смысле по-деревенски утилитарен, не всегда воспринимал он то, что лежало за его

пределами и было выше его понимания. Сейчас идеал поэта тех лет представляет определенный интерес лишь как факт его творческой биографии. За последующие военные и послевоенные годы идеал этот значительно расширился и обогатился, насытился более разносторонним и богатым содержанием, засверкал новыми, неведомыми доселе гранями. Прежде всего этот идеал вышел за рамки некоторой деревенской замкнутости, приблизился к другим сторонам и явлениям жизни, приобрел большую объемность и объективность. Лирический герой Ухсай взглянул на мир с более высокой точки, и горизонт его значительно расширился. Поэтому в послевоенных стихах Ухсай мы находим больше обращений к общесоюзным и общечеловеческим темам, да и сугубо национальные темы разрабатываются не на ограниченном пространстве одной республики, а с учетом других категорий, на более широком жизненном и пространственном фоне.

И не будет
Одиноких
Городов и деревень.
А большие будут
Окна,
Выходящие в сирень.
И не будет
 в мире горя,
Слез не будет —
Будет смех.
...И взойдет на Гусли-гору
Мной воспетый
Человек.
И на розовом закате —
Вся страна ему видна.
Я мечтаю,
Друг-читатель,
Видеть эти
Времена.

(Перевод *Е. Исаева*.)

Это уже нынешний Ухсай, охватывающий своим поэтическим взором всю страну, всю планету и грядущие времена. Крестьянский вариант его эстетического идеала претерпел значительные и существенные изменения, сохранив свое трудовое и нравственное начало.

И в нынешней поэзии Ухсай часто встречаются эпитеты и сравнения, взятые из крестьянского быта, образы и картины, свойственные мироощущению земледельца. У него и сейчас «мерцают звезды в вышине, как крупная на хлебе соль» или они «белеют как капли молока на сосках коров», он же готов «облака засеять хлебом» и т. д. Но все эти поэтические тропы служат сейчас для выражения более широких, не только сугубо крестьянских, а общечеловеческих понятий и суждений.